

МОНГОЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

С. ЗИНИН

СВОЕ известие Лувсандорж объявил торжественно: летим в Гоби, в Далан-Дзадагад.

Гоби не занимает большей части республики. «Монголия — не Гоби, — пишет один исследователь, — но Гоби — это лицо Монголии, лицо всей высокогорной Азии, сухой, каменистой».

Аймачный центр Далан-Дзадагад стоит на идеально ровном поле. Здесь все — сплошной аэродром. Но самолет все же подруливает к небольшому зданию, на крыше которого полочется полосатый мешок. Вдали город — несколько европейских зданий, юрты, водокачка, труба котельной.

К трапу бегут встречающие. Из самолета через передний люк прямо на землю выбрасывают тюки с газетами и почтой.

По внешнему виду Далан-Дзадагад, административный центр Южно-Гобийского аймака, — обыкновенный городок с Домом культуры, магазинами, гостиницей.

Вдалеке, километрах в сорока от города, высятся отроги Алтая. Горы призрачны, нереальны, в удивительно чистом воздухе виден каждый провал ущелий. Выехав за город, мы окунулись в краски и пейзажи Гоби. Высохшие пучки ковыля, клочковатый травяной подшерсток — и все это сплошь засыпано каменной галькой.

В монгольском эпосе о Гоби есть такие вдохновенные строки:

«Ровно высятся семьдесят двойных осыпавшихся красных песков, по которым прославленный конь не может проскакать

из конца в конец. Расстилаются тридцать три великих пространств Гоби, которые здесь рожденный витязь не может обойти кругом. Расстилаются обвеваемые ветром прекрасные черные увалы, которые не пройдешь — иди хоть целые месяцы; восемь желтых степей затягиваются мглой, восемь радостных желтых степей, которые не пройдешь — иди хоть целые годы...»

Недаром говорится о «тридцати трех Гоби». Есть Гоби тихая, лазоревая, палевая Гоби, Гоби цвета черного ворона, узкая синяя Гоби — их действительно тридцать три.

Ближе к югу пейзаж меняется стремительно. Попадают небольшие стада верблюдов, пасущиеся лошади. Наш шофер разглядел на горизонте небольшое стадо джейранов.

Меняются вдали очертания гор, линии их становятся острее. И вдруг впереди, как мираж, появилось дерево. Не веточка саксаула — настоящее дерево с зеленой кроной, ветвями. Это хайлис, как его называют местные жители, — особый вид вяза.

...«Газик» перебрался за песчаный барьер, и снова мы помчались вперед, пока внезапно, выскочив на пригорок, не увидели уткнувшуюся в вечернее небо иглу радиостанции, десяток домов и пристроившийся к ним городок из юрт.

Появление поселка было тем удивительней, что даже за дватри километра до него не встретилось никаких признаков близкого жилья.

Поселок этот стоит почти на краю земли и связан с миром только неверной гобийской грунтовкой и воздушным пунктиром «АН-2», прилетающего два раза в неделю.

Вечером в нашу маленькую гостиницу — семь коек по периметру комнаты, стол, люк в стене, через который из кухни подают еду, — зашел Хухэ, председатель аратского объединения, и рассказал о том, что в этих местах есть колодец с удивительно чистой и холодной водой и возле него издавна скотоводы ставили юрты. Рассказал Хухэ о том, как на его глазах построен был первый дом, электростанция, как появилась в пустыне первая машина и как пришла новая жизнь. Все сделанное и возведенное в поселке вызывало у сурового на вид Хухэ бурный восторг. С радостью он говорил о медиках, учителях, о завклубом, который поет частушки и играет на баяне, о библиотекаре.

Утром мы поехали к чабану Жамбалу.

Собственно, путешествие в Гоби мы совершили из-за Жамбала. Арат, пастух, чабан — это первая фигура в Монголии, ведь животноводство — основная отрасль сельского хозяйства, основа экономики страны. И Жамбал — один из лучших монгольских чабанов. Но, кроме того, он еще и хороший певец.

Жамбал оказался сравнительно молодым человеком с волевым лицом, покрытым красноватым гобийским загаром. Юрта его стояла на пригорке и издавала ее белые кошмы, перепоясанные ремнями, легкий дымок очага, дальняя кромка гор с полыхающим между вершинами закатом — все это напоминало картину Рериха.

Посередине юрты в эмалированном тазу кипел традиционный чай с молоком.

А когда мы напились чаю, Лувсандорж попросил Жамбала рассказать о себе и спеть.

Голос у Жамбала оказался сильным, страстным.

— Я впервые сел на коня, когда мне исполнилось восемь лет. Ездить меня учил Балган, мой брат. Я много раз падал, боялся, а потом стал смелее и научился скакать.

*Пускай нас в дороге
встречают преграды,
Но конь мой —
надежный помощник
арата —*

*Осилит и ветры и снежную бурю,
Осилит отважно
Дорогу любую.*

Жамбал отхлебнул из пиялы и продолжал:

— Наши деды и отцы издавна пасли скот в этих местах. Я тоже пастух. В моей отаре более семисот овец и ягнят. В июне мы начинаем первую стрижку. Если погода безветренная и солнечная, то мы справляемся быстро.

В семье у нас одиннадцать человек: моя мать, восемь детей, жена и я. Маме — за семьдесят, а жене — тридцать восемь.

Мы с женой из одного села. Я помню, как оба верхом мы приехали на наш праздник, а потом усаkali в степь...

*Мой маленький соловый конь!
Твой неуслынный бег
Меня укачивал в седле,
Заворожив навек.
Вот так, любимая моя,
Твой своевольный нрав
Заворожил меня навек,
Лишив надежд и прав.*

И снова Жамбал посмотрел вверх через откинутый полог юрты, и глядя мимо нас продолжал рассказ:

— Гоби наша прекрасна, бесконечна и обширна. Здесь много гор, долин, степей, рек и ручьев.

В моей жизни чабана случилось всякое. Помню, как-то с отарой я попал в пургу. Трое суток — день и ночь я шел за отарой, чтобы не потерять овец, чтобы не разбредлись по степи. День и ночь.

В нашей семье работают трое взрослых. Летом мы встаем в четыре утра, а в пять уже выгоняем отару и пасем ее целый день. Только в семь вечера мы возвращаемся обратно.

В жаркий полдень мы пристраиваем отару куда-нибудь в тень.

*Тень горы Хурэн
Вдоль долин легла,
Заслонив собой целый свет,
И моя любовь,
Как ночная мгла:
Нет рассвета в ней,
Утра нет.*

Мы уезжали от Жамбала под вечер. И долго вслед за машиной, провожая нас, скакали на конях Жамбал и его жена Янжма. Я смотрел в окно машины. Вскоре низкие барханы закрыли человеческое жилье. Опять песок, песок. Компания задумчивых верблюдов, лакомящихся жесткими пучками сухой травы. Вскоре стемнело и вышла луна. Звезды хороводом ходили над нашими головами вокруг Алтан-Гадас — так по-монгольски называется Полярная звезда.

Здесь, в Гоби, в этом пустынном углу, кипит, движется, обновляется жизнь людей — происходит то же, что характерно для всей Народной Монголии.

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СОЦИАЛИЗМА

● Успешно развивается экономическое и научно-техническое сотрудничество между ГДР и МНР. Об этом свидетельствует постоянно увеличивающийся объем товарооборота и расширение прямых связей между министерствами и предприятиями двух стран. С помощью ГДР в Улан-Баторе сооружены мясокомбинат и фабрика по производству ковров, проведена разведка месторождений полезных ископаемых.

Народнохозяйственный план на 1976—1980 годы предусматривают расширение сотрудничества в проведении геологоразведочных работ, а также в области растениеводства, животноводства и ветеринарии. Увеличится контингент монгольских рабочих, направляемых в братскую страну для повышения квалификации.

● ЧССР оказывает ДРВ всестороннюю помощь в восстановлении разрушенного войной хозяйства, поставляя ей машины и оборудование, включая оборудование для больниц, и транспортные средства. На основе соглашения об экономической и технической помощи ДРВ сотни вьетнамских рабочих и техников повышают свою квалификацию на чехословацких промышленных предприятиях.

Успешно развиваются культурные связи двух стран. В Праге действует информационный центр ДРВ.

● В соответствии с подписанным в Берлине соглашением ГДР окажет в 1974 году Республике Южный Вьетнам экономическую помощь, поставив в освобожденные районы РЮВ электротехническое и медицинское оборудование и медикаменты, средства защиты растений и другие товары.

НАЛАЖИВАЕТСЯ МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь в ДРВ постепенно входит в нормальную колею. Самолеты гражданской авиации совершают регулярные рейсы из Ханоя в отдаленные провинции республики, пассажирские поезда уходят и прибывают в столицу точно по расписанию. Вступают в строй разрушенные войной промышленные объекты.

Более 100 километров побережья провинции Намха омывают воды Тонкинского залива. Здесь открыта новая морская товаро-пассажирская линия, соединившая Хайфон с портом Кыаонг. Это уже десятая морская линия, начавшая функционировать после подписания Парижского соглашения.

Промышленные предприятия республики успешно выполняют производственные планы. В сообщении Центрального статистического управления ДРВ подчеркивается, что увеличение выпуска валовой продукции достигнуто путем рационализации управления производством.